

цианец видит в европейской истории лишь длительный и непрерывный упадок. С возрастом империя стареет и дряхлеет; подобно камню, по которому долгое время течет вода, она покрывается пятнами и изъязнениями. Ее немощь отражает немощь самого мира, и постепенный распад Рима является прообразом распада Вселенной, которая не надолго переживет его. Перед нами мир, уже близкий краспаду и, «так сказать, испускающий последний вздох предельного старения» (кн. V, «Пролог»). То же самое верно и в отношении мудрости. Исследовав ее историю, необходимо констатировать, что знание было передано египтянами грекам, затем — римлянам и наконец — галлам и испанцам: «По всюду мы видим, что всякая власть и всякое знание начинались на Востоке, а заканчивались на Западе, свидетельствуя тем самым об ослаблении и упадке всего человеческого» — 249

6. Священство и царство

го». Представляется, что на Отгона наибольшее впечатление произвели такие ученые, как Беренгарий Турский, Манегольд Лаутенбахский и Ансельм Ланский.

Отгона постоянно вдохновляли Августин и Орозий, но у него перед глазами было состояние вещей, слишком отличающееся от того, которое знали его предшественники, чтобы хоть немного не пересмотреть перспективу. Со времен Карла Великого Священная Римская империя германской нации, к которой он принадлежал, представляла собой в некотором роде земное тело Града Божьего*. На самом деле вследствие вполне объяснимой оптической иллюзии Отгон датирует начало перемен временем обращения Константина. Начиная с этого момента, «так как не только все народы, но также правители, за исключением некоторых, стали католиками и подчинились ортодоксии, мне кажется, что я пишу историю не двух градов, а, вероятно, одного-единственного, который я называю Церковью. Ибо, хотя избранные и отверженные пребывают в прежнем состоянии, я больше не могу говорить, — как делал это раньше, — что этих градов два, но должен сказать, что они составляют один град, где все перемешано, как зерна с соломой» (кн. V, «Пролог»). Изменение перспективы у Отгона, которое возымело фундаментальное значение, будет описано ниже. Заметив, что Церковь возвеличивается по мере упадка Империи, Отгон добавляет, что со времени Феодосия ее история «не есть история двух градов, но скорее, если так можно выразиться, одного — пусть не в чистом виде, — который есть Церковь (кн. VII, «Пролог»).

Это поглощение земного града и империи Градом Божьим и Церковью было характерным для XII века. В письме королю Генриху II (*Epistola*, 179) св. Фома Кентерберийский** заявляет: «Церковь Божья состоит из двух сословий — духовенства и народа...; среди народа живут короли, князья, герцоги, графы» и т. д. Во введении к своей «*Summa decretorum*» каноник Симон из Турне*** пишет почти то же самое: «В